

СВЕТЛЯЧОК

12.07.2013

№7 (28) Июль 2013 года

Я чёрной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сём погиб мой

взвод.

Оставив за чертою жизнь,
Одну лишь истину познал:
Не убежать, не вознестись,
Не пересечь траншей провал.

Из наших тел, из наших ран,
Из нашей скорби лес пророс.
Слова моих однополчан
Услышите в шелесте берез!

Я, здесь оставшись навсегда,
Для них покой и сон хранил.
Как назывался я тогда? -
Валерий или Даниил?..

Иван, Петро, иль Николай –
Да что теперь! – ни им, ни вам...
Лишь крики перелётных стай
Ведут отсчёт земным годам.

Наверное, таков весь круг:
Теперь уже один из вас,
Далёкий правнук или внук
Пропадал в сраженьё за Кавказ.

На рубеже столетий двух
Погиб на грозненском мосту.
Как я – его тревожный дух
Не сможет пересечь черту.

Я чёрной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сём погиб мой взвод.

Валерий Линкевич,
Андреаполь

ВЕСНА 41-го ГОДА...

Девчонка с тугою косою
Отрывок зубрит наизусть
О бале Наташи Ростовской,
А в голосе лёгкая грусть.

Два дня до экзаменов в школе,
А там уже - и выпускной!..
О лучшей девической доле
Мечтает девчонка с косою.

Мечтает, что будет учиться
На доктора в вузе она,
Не зная, что скоро случится,
Все планы разрушив, война!

...Цветущая яблони ветка
Стучится в окошко её.
За стенкой артистка – соседка
Весёлую песню поёт.

Галдят воробьи под стрехою,
Луч солнышка спит на стене...
Всё мирным объято покоем
В ещё предвоенной весне.

Осталось немного закатов,
Осталось немного рассветов...
И скоро погибнут ребята,
И будет расстреляно лето...

Лариса Иванова,
Торопец

ИЮЛЬ 41-го

На запруде мальчишки, как прежде, таскают лещей,
и нестрашными кажутся краткие летние грозы.
Но уже изменился привычный порядок вещей.
И в бессонье ночей всё тревожней кричат паровозы.
И ещё продаётся с тележек с сиропом вода,
но у сквера давно не видать старой немки с весами.
И меж чёрных столбов всё гудят, всё гудят провода
и от тяжести сводок до самой земли провисают.
И безмолвные толпы глядят репродукторам в пасть,
словно судьбы свои разглядеть в этих пастьях пытаюсь.
Ну а в школе напротив уже развернули санчасть,
и карболковый дух по утрам над домами витает.
Кумачовые лозунги всё ещё в небо летят,
но уже копошатся в груди непростые вопросы,
и, с медалькой за Финскую, злой одноногий Митяй
на скамейке всё чаще с потухшей сидит папиросою.
Как ещё непривычны сирены тупые ножи!
И поля ещё не заросли бурьяном и погостьем...

И на «до» и на «после» ещё не поделена жизнь,
где почти невозможна дорога к далёкому «после».

Владимир Юринов,
Андреаполь

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №6 (27) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1989

8.03.

Интересная мысль Аристотеля в «Метафизике»: искусство значительнее опыта, отвлечённое знание выше конкретного. «Вообще признак знатока – способность научить, а потому мы считаем, что искусство в большей мере знание, нежели опыт, ибо владеющие искусством способны научить, а имеющие опыт не способны».

18.03.

Иисус: преодоление плоти духом, вещи – знаком, словом. То, что у Христа, у нас в очень слабо выраженной потенции. И чтобы её реализовать, надо, прежде всего, научиться свободе и отучиться от своеволия.

21.03.

Верю в бесконечное познание мира. Иначе скучно, и незачем жить, а потому не люблю абсолютов и не верю им.

10.04.

Человеческая жизнь представляется мне не как (и не столько как) цепь происходящих вне и внутри неё событий и явлений, а как поток впечатлений, слепков этих событий и явлений. Поэтому категории истории неприменимы для художественного творчества, которое имеет собственную логику в подаче истории. И поэтому те исторические модели и концепции, которые опираются именно на человеческую жизнь, менее всего историчны; и – наоборот – художественные же творения более историчны.

3.06.

Я не пью, а напиваюсь, – а это не одно и то же.

22.07.

Дал пощёчину. За дело. Но, Боже, самому себе тошно, хотя и прав.

25.07.

Символизм мне интересен тем, что он не пытается объяснить жизнь, мир – это пустое занятие: каждый жизнь должен пройти сам, – а стремится дать художественное истолкование того, как он может отражаться в нашем восприятии, как может преобразиться, обогатиться, заиграть новыми красками, звуками, смыслами, и в этом отношении – обогатить нас. Он чрезвычайно рефлексивен. Поэзия символизма – поэзия отражённого реального. В этом, вообще, значительная часть начала 20-го века. Это есть и у Бунина, и у Куприна. А ранний Горький с его бунтарством и ницшеанской тоской по сильному и красивому человеку!

31.07.

Встреча с В. и М. Рысенковыми – это, пожалуй, одно из важнейших событий в моей сегодняшней бестолковой и сумбурной жизни.

13.08.

Опять петля одиночества. Внутри чувство опустошённости: ни сильных эмоций, ни желаний. Апокалипсис в отдельно взятом сосуде.

26.08.

Жаль, что давно разминулся с Толей Виноградовым. Ведь в далёком детстве мы были очень дружны, в шашки и шахматы начинали вместе играть, строили снежные крепости зимой, а индейские вигвамы в лесу летом, вместе шалили и получали нагоняи от родителей. А теперь каждый из нас сам по себе, одинок каждый, и каждый топит одиночество в водке. Только я ещё пытаюсь барахтаться как-то, а он на себя плюнул.

(продолжение на стр.3)

(начало на стр. 2)

Но он вдвое талантливее меня и, видимо, всё, происходящее вокруг, воспринимает вдвое обострённее и болезненнее, а поэтому и болото это его засасывает всё глубже и глубже. Жаль. Надо хотя бы раз в жизни попытаться освободиться от тени Золотого Храма.

С комсомолом мне не по пути. Надо уходить. Пустая трата времени и сил.

27.08.

Революция, подобная нашей, уже была. Это зарождение и распространение христианства на заре нашей эры. В те легендарные времена дворники тоже решили, что могут (по меткому выражению М. Булгакова) управлять государством. И то же братоубийство. В принципе, идея коммунизма в 20 веке – это грубый слепок с вульгарно понятого христианства: поразительно схожи догматы, обрядовость (ритуальность) и методы (борьба с еретиками, вылившаяся в средние века в охоту на ведьм и аутодафе, – она вполне похожа на охоту на инакомыслящих в 20 веке: и не только в СССР – по всему миру). И там, и там страдающий за людей Иисус отодвинут на второй план эгоизмом и политическими амбициями его адептов.

13.09.

Реальный мир полон противоречий настолько, что впору впасть в унылый пессимизм, разуверившись отыскать в нём гармонию. Можно в уме создать «мир иной и образов иных существовань», что, впрочем, вряд ли решит проблему. А можно подумать о том, чтобы противоречивость мира принять как его гармонизирующее начало. Своеобразная гегелевская триада: тезис – антитезис = синтез. В этом найти источник вечного обновления мира и принять это как гармонию и к чёрту пессимизм.

27.09.

Читаю своим ученикам наизусть Есенина и Пастернака. Есенина слушают, часто даже внимательно; Пастернака – хихикают, чешутся, вертятся. Есенинские метафоры, видимо, более доступны наглядностью, они не очень удалены от деревенского жизненного опыта: красок, звуков, запахов, их восприятия. Пастернак же очень умозрителен, его метафора более интеллектуальна, более опирается на опыт художественной культуры; к тому ж он музыкант и философ. Для его восприятия необходим опыт художественной и умственной культуры.

20.10.

Чертовски устаю. Вот парадокс: нет времени на самообразование, и, в то же время, преподавая «не свои» предметы (историю, географию, рисование и проч.), что я делаю, как не самообразовываюсь. Если бы только не в ущерб филологии.

Не думал, что моё заявление о выходе из комсомола вызовет такую бурю в стакане. Я не подрываю никаких основ (тем более, когда не вижу, что они вообще есть), просто стремился привести в порядок голову и сердце. Именно это и попытался объяснить – не поняли. Или не хотели понять. Что-то во всех этих собраниях есть (а теперь отчётливо вижу: и – было) формальное и приторно-фальшивое.

22.10.

Постановка по произведениям С. Есенина «Дорогие мои, хорошие...». «Чёрный человек». М. Апарцев и Б. Щербаков. Очень мне близко и знакомо. Здорово!

23.10.

Все требуют планов, работы и ещё чего-то, о чём сами не имеют представления. И всё это на одном энтузиазме, без оборудования, без наглядных пособий и проч. Глупость? Нет, боязнь противостояния, инстинкт премудрых пескарей («кабы чего не вышло»), привычка.

28.10.

Неумеренность в чём бы то ни было – явный признак скудости ума и чувства.

29.10.

Грязь политиков, разжигание ими низменных страстей толпы, развращение народа и бессилие что-либо сделать против этого – убивают.

1.11.

Вчера – наконец-то – мне дали «добро» на выход из комсомола (удивительная инсценировка на тему работы с молодёжью!). Как всё это печально. «...Бедные мои... Бедные...».

(продолжение следует).

• Гости клуба

Александр Коган

г. Бежецк

ВМЕСТЕ

Деревья...
Ветви вверх воздетые...
В сплошном строю...
Затерян между ними где-то я...
Серею...
Стою...

У неба ничего не просим мы...
Молчим...
Стоим мы на пороге просины...
Мочимы...

И четки дней...
Сквозь нас видней...

ЗАМОРОЗИЛО

Немеет взгляд в окрестной тишине,
Березка щедро поделилась дрожью,
Дорога ужимается в длину,
Мороз бегом мои усилья гложет.

В одно мгновенье мысль я потерял,
И незаметно съезжилась одежда,
Утеряна надежда на вчера,
Скрипят секунды памяти неспешной.

ДУЕТ...

Ни добра, ни тепла, ни кола,
Ветер рвет и швыряет раздолья,
И разносится всюду хула
Опоздавшей мерною болью.

Отражение жизни зачав,
Ветер в поле настойчиво свищет,
Не дает разгореться свечам
И рыдает в нас радостью нищей.

Навитавшийся в вещей игре
Отголоском ушедшего века,
Он взрывается, вдруг озверев,
Превращает березу в калеку.

Время давит, и нету защит,
Ничего не случается часом,
Воет ветер, жите иссушив...
Ни желанья, ни света, ни счастья.

КАША

Нас так интенсивно варили
В огромном советском котле,
Что вздулись мы от эйфории
За семьдесят с лишечком лет.

Чтоб каша случилась на славу,
Душистей, вкусней и сытней,
Мешали, дразнили приправой,
Томили на слабом огне.

Когда разложили по плошкам,
И время пришло нас глотать,
Все вспомнили разом о прошлом,
Что что-то варилось не так.

Кому-то достанется мало,
Другим не по нраву сосед,
И каша томиться устала,
И стала ненужной совсем.

И все же она не остынет,
И может взорваться котел,
Вот так получилось несытно.
Что делать? Не знает никто.

* * *

С годами женщина свободнее,
Условности пора забыть,
Всё прошлое бросает под ноги
И очень хочет полюбить.

С годами женщина прекраснее,
Уже не цвет, а сочный плод,
Не ждёт от жизни чуда-праздника,
Она в себе его несёт.

С годами женщина желаннее,
Взгляд от неё не оторвёшь,
Горит настолько ярким пламенем,
Что никакой не гасит дождь.

С годами женщина божественней,
Способна отвести от бед,
Лишь одного желает женщина:
Успеть, успеть, успеть, успеть.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Гроздьями рябины одинокой
Сумерки окрест освещены,
Свет стекает по лугу полого
До реки, где бакены видны.

Взгляд струится по упругой глади
За далекий перекал реки,
Где осина скидывает платье
Холодам грядущим вопреки.

А вода уходит и уходит
Времени стремительному вслед.
Я стою на краешке природы,
Медленно растрчивая свет.

• Вспомнилось...

«ОБНИМАЮ. ЦЕЛУЮ. АННИ»

Не так давно по телевидению шёл фильм об Анне Герман. Я с интересом его смотрел. И не только потому, что фильм – о большой певице из времён моей молодости. Это, конечно, тоже важно. Но у меня с этой темой связана и своя история.

События, о которых хочу рассказать, происходили в конце семидесятых. Я был тогда студентом Ленинградской высшей партийной школы. В то же время на факультете журналистики учился там некто Антс Паю, молодой человек из Эстонии. Был он фигурой заметной. Очень высокий, рыжеволосый, крепко сложенный. И всем свой. Особенность ли профессии побуждала его к активным беседам, склад ли характера, но просто пройти мимо, не завязав хотя бы короткого разговорца, он не мог.

А беседовать он был готов на любую тему. Ну, хотя бы об электрической лампочке. Медленно, нараспев, как и принято у каждого «горячего скандинавского парня», он начинал:

– Лааампочка, Виктооор, она ведь не таак проста, каак дуумается...

И дальше в том же роде. Мы не раз говорили с ним на разные темы, иногда просиживая вечера напролёт. Не могу сказать, откуда, но все в ВПШ знали о его страстной, не знаю, как и назвать точнее – привязанности ли, любви или обожании к Анне Герман. Она в те годы частенько приезжала из Польши в СССР с концертами, давая их в разных городах иногда по два-три в день. От Антса слышал, что певица таким образом зарабатывает деньги на собственный дом, которого у неё не было. Деньги выходили приличные, и что интересно, её ни разу не досмотрели на нашей строгой таможне, явно понимая, что она везёт. Вероятно, из уважения.

Мне неизвестно, откуда он узнавал о её прибытии в Союз, но как только она появлялась в стране, он сразу же срывался с места и летел туда, где проходили её гастроли. Возвращался с их завершением. Поговаривали у нас об их романе. Был ли он, этот роман, судить не берусь. Анна Герман была в то время замужем. Но сам видел письма и телеграммы, адресованные Антсу, от предмета его обожания. Наша с ним корреспонденция лежала в одной ячейке, поскольку фамилии обоих начинались на «П». Видел однажды случайно и телеграмму: «Обнимаю, целую. Анни», пришедшую сразу после одного из его возвращений. Он, как человек порядочный, подробностей не выдавал.

Потом, после её смерти, читал где-то обвинения в его адрес: мол, приписывает себе несуществующий роман с великой певицей, пытаясь заработать на этом популярность. Но сам его воспоминаний о ней не читал. Зная Паю за те недолгие два года нашей учёбы, уверен, что о популярности он думал меньше всего. Но если что-то и напечатал, то исключительно из чистых побуждений. Просто, видимо, не мог сдержать своих воспоминаний.

**Виктор Петров,
г. Конаково**

28 июня 2011 в возрасте 67 лет в Эстонии скончался друг Анны Герман, журналист и необыкновенный человек Антс Паю. Знакомство этих двух людей состоялось в далеком 1978 году. Эстонский журналист, бывший лесник, любивший общаться с природой, умевший в окружающем нас мире видеть красоту и глубину, не мог не встретиться в этой жизни с Анной Герман. Судьба свела их неспроста - именно в этом высоком эстонце Анна нашла единомышленника, человека понимающего ее необыкновенную натуру. В 1979 году Антс Паю попросил Анну Герман об интервью, во время которого Анна сказала "это интервью словно исповедь"... В 1979-1980 годах Антс неоднократно приезжал в Москву, Ленинград, Сочи для того, чтобы встретиться с Анной и поддержать ее в трудные годы ее гастролей. В конце декабря 1979 года Анна Герман дала 5 сольных концертов в зале таллиннской филармонии, а в один из декабрьских дней состоялась прогулка Анны и Антса по старому Таллину. После ухода певицы из жизни Антс посадил в парке города Пылтсамаа два орешника - "две Анны" - в честь Анны Герман и Анны Николаевны Качалиной (редактора Всесоюзной Студии Грамзаписи «Мелодия»).

Удивительная и необыкновенная суть натуры Антса Паю проявилась и в его последнем желании. По воле Антса, он был кремирован и его прах будет развеян в парке города Пылтсамаа среди деревьев, посаженных его руками... Среди этих деревьев есть и дерево Анны Герман...

(Отрывок текста и фото с Официального сайта Анны Герман).

- Листая старую тетрадь

Михаил Никоноров

ТРИ АЛЛЕГОРИИ:

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ»

Чем виноват лопух, что он не роза,
чем виноват зевок, что он не взгляд,
чем стих виновен в том, что он не проза?
Кто вообще хоть в чём-то виноват?

Не до конца изведано явление,
но кто оспорит тот нехитрый факт,
что вырастить культурное растенье
значительно сложнее, чем сорняк?

Различные у граждан вожделенья,
и не похожи друг на друга дни.
Вот так и мы: хотя всего растенья, -
у каждого потребности свои.

Всё так. Но тем не менее садовник
одно нам удобрение даёт.
И получают брюква и крыжовник
единый тщетнотщательный уход.

«ЛИРИЧЕСКАЯ»

Неглухой перекрёсток,
Незабытый момент.
Промерзающий воздух,
Пролетающий снег.

Исчезающий вечер,
Снежный реквием дня.
Предпоследняя встреча.
Ты уже не моя.

И снежинок иголки
Или искорки слов –
Всё осколки, осколки,
Увядания улов.

И не будет яснее
В наплывающей мгле:
Ты уходишь – мне с нею
Доживать на земле.

2

И теперь не с тобою,
Я сомнением томим:
Это было со мною
Или с кем-то другим?

Было вспыхнувший ярко,
Он угаснул. Твой свет.
И мне жалко, мне жалко,
что могло... чего нет.

Запоздалая жалость,
Жизнь предельно ясна.

Ничего не осталось,
Только память одна.

«МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ»

Графический послеосенний лес
уже готов – зима подзадержалась.
Пора уныния и призрачных чудес,
зачем во мне ты вызываешь жалость?

Не уважаю я бесплодных чувств.
И если увяданье очень зримо, -
я содрогаюсь: его мне образ чужд.
Я, душу стережа, пройти стараюсь мимо

печального явления. В серой мгле
в останках ощущаю я обилья
на оскуднённой осенью земле
И собственную осень и бессилья
Фатальные черты.

«БОЕВОЙ ПОДРУГЕ»

(Ольге Громовой)

Плюй в грядущее и настоящее,
не жалей ни о чём былом.
Ты представь себя, Оля, входящую
в одинокий заброшенный дом.

Ты идёшь. Середина лета.
Но довольно холодно тут.
Окружают тебя скелеты,
и грибы на полу растут.

Да, грибы. Мухоморы. Поганки.
Всех сортов заплесневший сор.
И вчерашней последствия пьянки,
и раздавленный помидор.

Окна все в паутине и копоти.
Не пробиться сюда звезде.
Запустение в каждой комнате.
Понахезано тут везде.

На душе становится муторно,
и как будто скудеешь умом,
Озираясь на кучи мусорные
беспорядочные кругом.

В полумраке белеют кости,
через крышу капает дождь.
Не придёт сюда внучка в гости,
Сам «нимфетку» не поведёшь.

А чего тут нет, так рекламы,
Телевиденья тоже нет,
и для слишком взыскательной дамы
здесь отсутствует кабинет.

Все углы по-русски обоссаны.
Воздух дурно пахнет и сыр.
Ничего здесь, впрочем, особенного:
Это просто мой внутренний мир.

Маргарита Петрова

БОЛЬШОЙ ЧЁРНЫЙ СОЛДАТ

РАССКАЗ

Валентина. – Костик на ногах до последнего своего часа был, до последних минут почти.

– И что солдат? – вывел Ковалёв из задумчивости замолчавшую было жену своего школьного друга.

– Да, солдат... Я, конечно же, испугалась. Спрашиваю: «Какой солдат?». «Большой, чёрный, – отвечает, – приходит и заставляет меня делать, что не хочу».

А второй раз, уже в день смерти, солдат опять пришёл к нему, вернее, сразу два солдата. Так и сказал: «Ну вот, теперь вдвоём пришли».

Ковалёва растрожил не столько рассказ о последних минутах Костика, хотя Валентина очень ярко, так, что он почти увидел метавшегося по квартире и вдруг замершего в кресле навсегда друга, передала происходившее, сколько этот непонятный вояж загадочного гостя. Проще всего объяснить происходившее можно было предсмертными галлюцинациями больного, но почему-то исподволь в голову лезло другое. Против желания у маловерующего прежде Виктора крепло убеждение, что приходил житель преисподней, кто же ещё будет заставлять человека в последние часы жизни делать то, что ему не хочется.

А где же светлые ангелы? Или умиротворяющий свет, который так много описывают в книгах якобы свидетели подобных явлений? Почему его школьному другу явился этот чёрный солдат, разве Костик был самым большим грешником? Ковалёв помнил его добродушным, совершенно незлобивым человеком, не любившим ссоры и старающимся погасить любой конфликт, свидетелем которого становился даже случайно.

Правда, Костик запивал. Наверное, его можно было назвать запойным алкоголиком. Он уходил в вираж на неделю, иногда и больше. Но выбирался из временного небытия всегда самостоятельно, без медицинских вмешательств, и уж вкалывал тогда с полной отдачей, будто бы заглаживая свой промах. В один из таких моментов его уволили-таки с работы по статье. В период перестроечной безработицы это было серьёзной проблемой. Что Костик был классным специалистом в своей области, сразу было забыто. Обивая напрасно многочисленные пороги, он впервые тогда обратился к Ковалёву. И что?

Он, ставший к тому моменту уважаемым Виктором Алексеевичем, первым секретарём существующего последние месяцы райкома КПСС, изобразил перед бывшим школьным товарищем полное бессилие в решении его проблемы. А ведь мог бы помочь шутя. Опасался, не повредило бы это его дальнейшему служебному продвижению: со дня на день ждал приглашения на новую должность, уже в областной центр. Момент необходимо было использовать, пока вышестоящие приятели могли поспособствовать. Было не до Костика.

Сейчас, вспоминая это, ежился, как от холода. Но полного раскаяния не испытывал, оправдывая себя: в той ситуации один неверный шаг – и сам без работы останешься, каждый за свои поступки должен отвечать. Однако воспоминание тревожило.

В последние годы, даже месяцы, с ним происходили странные вещи. По ночам приходили необычные сны, переносившие его на родину, в места становления и начала успешной карьеры. И был он в этих снах то бригадиром в одном из совхозов, то комсомольским секретарём, а то и вовсе женщиной, оказавшейся в беде. Ситуации в снах всегда складывались сложные, он метался, пытаясь решить их, и просыпался в поту и в полном бессилии от невозможности найти выход. Это и заставило его приехать в родные прежде места, которые давно не посещал. Всё недосуг было.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр.7).

Решил про себя: раз отправлял его кто-то почти каждую ночь как в командировку в прошлое, значит только здесь и успокоения искать нужно. Поездка, как и сны, оказалась не радостной. Провинциальный городок тихо умирал. Ковалёв насчитал восемь крупных в прошлом предприятий, которых теперь не существовало. Стояли полуразрушенные корпуса, обдуваемые и продуваемые насквозь ветрами, ненужные никому. Закрылся благополучный прежде межхозяйственный лесхоз, еле теплился один из первых в области по оснащённости и передовым технологиям леспромхоз. Виктору Алексеевичу приходилось слышать на различных областных совещаниях, что дела в районах обстоят не лучшим образом. Но он и предположить не мог, что всё настолько плохо.

Зачем он изо дня в день обходил эти рукотворные пепелища, объяснить себе не мог. Что от него, пусть и влиятельного в прошлом человека, пусть и Почетного гражданина этого городка, но теперь пенсионера, зависело? Что он мог изменить и исправить? Разве что запоздало шевелился где-то внутри червячок раскаяния, напоминавший о невыполненных когда-то просьбах земляков. Но даже будь он в своё время отзывчивей, это не спасло бы положения. Так сейчас везде.

Ковалёв уже собирался уезжать, но тут узнал о смерти Костика. Лучше бы он не ходил туда. Эта история с чёрным солдатом совсем выбила его из колеи. Вопросы, на которые не было ответа, потянули его на кладбище. Последний приют одноклассника отыскал благодаря ориентирам, данным Валентиной. Хорошо, что в ограде оказалась скамеечка. От того ли, что разучился ходить пешком, от внутреннего ли опустошения, ноги отказывались его держать. Дорогой подарочный коньяк Ковалёв разливал как деревенский самогон в простые стопари, обнаруженные им здесь же в ограде, – себе и Костику поровну. Впервые за долгие годы ему, осторожничавшему во всём, было безразлично, как он выглядит, кто и что о нём подумает. Он размазывал рукой стекающие слёзы, вслух задавал Костику свои вопросы, запоздало просил прощения.

– Скажи, что ты узнал там такого? Что мне-то делать, чтобы белые ангелы встречали, а не эти... Приснись хотя бы...

Спустя три дня Ковалёв сидел в привокзальном скверике за полчаса до прибытия поезда местного значения, с интересом ожидая воскрешения забытых ощущений. Когда же он ездил в таком? Общий вагон, хотя кресла, говорят, полумягкие. Это не столько напрягало его, сколько забавляло, будто с дорожным неудобством возможно было вернуться к себе молодому. Он почти успокоился, словно выполнил-таки задания того, кто во снах настойчиво отправлял его на родину. Во всяком случае, чувство очищения поселилось в нём в эти дни. Правда немного раздражало то и дело всплывающее неудовольствие от расставания со своим крутым внедорожником.

- Хватит, - приказывал он себе. - Дело сделано: подарил, так подарил. Это необходимо было сделать. К ней давно следовало съездить и объясниться, расставить, так сказать, точки...

Свою многолетнюю тайну Виктор Алексеевич успешно скрывал ото всех, избегая бывать в маленькой деревеньке, укрывшей его самый большой грех. Появился он там сразу после беседы с Костиком на кладбище. Ноги сами принесли. Сейчас не восстановил бы в подробностях, как и что происходило. В постаревшей, но всё ещё привлекательной женщине узнать прежнюю Леночку было непросто. Как же она была хороша в свои семнадцать! Он, тогда первый секретарь райкома комсомола, заметил её сразу в стайке школьниц-выпускниц, направленных по комсомольской путёвке в животноводческий молодёжный отряд. И она его заметила. Ему казалось даже, что именно из-за него она, серебряная медалистка, согласилась пойти в доярки.

А потом случилось, что случилось. В одну из командировок в животноводческий отряд он остался у неё. И была-то всего одна ночь. Знойная, памятная. Больше он там не появлялся: ведь был женат, дочь растил. Услышал, спустя время, что родила Леночка сына. Всё, казалось, было в тайне и без единого свидетеля. Но слухок о том, что мальчик похож на Ковалёва, прокатился. Он пресёк его сразу, а Леночка была не болтлива. Так она и жила в этой деревне, дояркой работала, бригадиром, ещё кем-то. Институт остался только в мечтах: старенькая бабушка, вырастившая Леночку, занемогла; к тому же сын требовал времени, сил и средств. Замуж она не вышла.

(продолжение на стр.9)

(начало на стр. 7-8)

А Ковалёв? Любил ли? Вряд ли, просто пришёл и взял самое красивое по праву сильного. Винил ли себя? Нет, оправдываясь тем, что ничего не обещал, сама должна была думать. Но что-то заставило Виктора Алексеевича появиться там спустя столько лет, когда сын, его сын, которого не видел ни разу, стал уже взрослым.

– Машина пусть ему будет, документы потом оформлю и пришлю, – настоял он, глядя на портрет юноши как на свой, так был тот похож.

Не умевшая противиться Леночка попыталась объяснить, что сын живёт не здесь, приезжает лишь изредка.

– Приедет, всё объяснишь, – ответил он, не принимая возражений.

...Когда до прибытия поезда оставалось минут десять, Ковалёв встал со скамейки.

– Всё, прощай мой маленький городок. Ты меня, как говорится, породил, а теперь отпусти. Навсегда прощай, прости, если что не так, – произнёс он с чувством выполненного долга и добавил, – что-то я стал через чур чувствительным. Годы, годы...

Направляясь к станции, Ковалёв вошёл в центральную аллею любимого в юности, но давно забытого сквера и остолбенел: спиной к зданию вокзала, лицом к нему, на высоком пьедестале стоял трёхметровый Чёрный солдат. Опускавшееся солнце освещало памятник со спины, и, видимо, поэтому чернота его казалась особенно густой, аспидной. Лица нельзя было рассмотреть, но автомат в вытянутой к небу руке был так выразителен. Казалось, что воин-освободитель воздел его не для победного салюта, он готовился дать предупредительный выстрел вверх, а следующий – во врага.

– Ты? – хрипло прошептал областной гость.

• Неопубликованное

Валерий Осипов
1947-2013

МОЙ КОСТЁР

Мой костёр догорает дотла,
И дровишек никто не подбросит.
Что-то жизнь слишком быстро прошла,
А душа ещё нежности просит.

Не одна промелькнула весна
Без особых невзгод и страданий,
А теперь вот приходит она -
Память полузабытых скитаний.

В суете повседневных забот
Я давно остудил своё сердце.
Вот и осень стоит у ворот,
И душе уже негде согреться.

Молча здесь просижу до утра,
Я один, мне никто не мешает.
А над тусклым мерцаньем костра
Пепел времени прочь улетает.

ИЮНЬСКИЙ ШАНСОН

Поднялось над покосами
Солнце на высоту.
Под июньскими росами
Травы буйно растут.
Пронеслись годы лучшие,
Не догнать, не поймать.
Но от случая к случаю
Я люблю вспоминать:
Вспоминать об утраченном,
Невозвратном былом.
Вновь бы в юность горячую!
Ну, да речь не о том.
Сяду я под черёмуху,
А на сердце - тоска...
Оправдания промахам
Мне вовек не сыскать.
На природу взор брошу я -
Как светлы небеса!
...У гармошки изношенной
Всё слабей голоса...

• **Дух поэтического братства**
Людмила Ефимова

г. Торопец

Леса, роняющие листья
В ладони смуглые земли,
Какою тайной поделиться
Вы в мир подлунный снизошли?
Каким светлейшим изволением
В судьбе предопределены,
Чтоб злато-алым озарением
Зажечь мучительные сны?
Что вы душе недошептали,
Рыдая с летнею грозой,
Ночами трепетного мая
Вбирая лунный свет хмельной?
Леса, пронзающие выси
Тугими венами ветвей
Над миром тлена вознеслись вы,
Упрятав вглубь узлы корней.
Сквозь вашу плоть, не кровь, но время –
Из листопада в листопад
Нам обещает встречу с теми,
Кто не придёт уже назад.

Алёна Рябова

г. Торопец

Мне стрелы вонзаешь одну за другой
В раскрытое сердце – без сопротивления.
Я вытерплю всё и прикрою собой
Твою незащищённость и не примиренье.
Упрёк за упрёком... Во всём ты права.
Всплывают картины из юности давней,
Где в маму свою я бросала слова.
Нет, нет, не слова, но тяжёлые камни.
Как часто бываем со словом своим
Губительно скоры на злую расправу.
Ах, только бы ты не поранилась им,
Когда-нибудь вдруг оказавшись неправой.

Владимир Павлов

г. Великие Луки – г. Западная Двина

А мама это Ангел,
который прилетает...
А мама это Ангел,
который нас рождает.
А мама это Ангел,
который охраняет.
А мама это Ангел,
который не предаст.
А мама это Ангел,
который не продаст.
А мама это Ангел,
который понимает.

А мама это Ангел,
который всё прощает.

А мама это Ангел –
любви короткий век.

А мама это Ангел –
ты помни, человек.

А мама это Ангел,
который улетает...

Наталья Сергеева

г. Нелидово

Когда деревья были другими
Мне казалось, что так будет вечно:
Мама, папа, и мир огромен.
Не боялась ни тьмы крошечной,
Ни ударов свирепого грома.
И деревья были до неба,
И дожди проливными были.
И мальчишки меня с ладони
Земляникою спелой кормили.
Но промчались детство и юность.
Папы нет, поседела мама,
И деревья скукожились как-то...
Или мы подрастаем сами?
А мальчишки – уже мужчины,
И гуляют с детишками в парке.
Только снится порой ночами
Жаркий день на лесной полянке.
Земляникой измазаны лица
У Андрюшки, Димки, Серёжки,
Горсть душистых рубиновых ягод
Мне протягивает Алёшка.

Галина Виноградова

г. Нелидово

Пройдёт весна, наступит лето
И зацветёт в саду сирень.
И ты услышишь песню где-то
Давно забытых деревень.
В деревне той одна старушка
В домишке стареньком живёт,
А выйдет утром на крылечко,
Сирени веточку сорвёт
Да вспомнит прошлое, былое,
Как раньше было: пареньки
Не то что веточки, - охапки
К её крыльцу они несли.
От грусти вдруг вздохнёт старушка,
Сирени аромат вдохнёт,
И, чтоб на сердце легче стало,
Тихонько песню запоёт.

• Дух поэтического братства

Игорь Столяров

г. Нелидово

Современный стих так похож на рваную чёлку –
 Напоказ, как душа подростка. Горит, как факел.
 Я же рифму ишу, как ночью в стогу иголку –
 Только все невпопад – знать, не звал, не жалел, не
 плакал.

Заплести бы по-модному: стильно, солидно, "рульно", –
 Чтобы на полуслове взалех замирали буквы...
 Только я не стилист, а ворчливый, седой цирюльник,
 Завивающий древней плойкою строчки-букли.

Я с есенинской грустью смотрю вслед чужому счастью.
 Мой убогий сюртук не подходит для клубных танцев.
 Побреду в одинокий дом, чтоб, войдя с ненастью,
 Рассосать с валидолом таблетку поэм и стансов.

Молодая шпана все сметает. Растут волчата!
 Только волку – простор, мой же стих, как собаке –
 палка.

Я чужой в этих строчках большого живого чата.
 Рифмы нет под рукой.
 Не горит, не болит, не жалко.

Мария Черкасова

г. Андреаполь

СЛАВЯНЕ

Добро пожаловать в Россию,
 Славяне разных стран!
 Болгары, сербы, белорусы ...
 Велик славянский клан.
 От встречи радость на земле
 Уместится едва ль ...
 Нас всех собрал сегодня здесь
 Славянский фестиваль.
 Мы речь друг друга понимаем,
 Хоть в разных странах проживаем
 И помнить с вами мы должны:
 Славяне дружбою сильны.
 Кровь близких предков в нас течёт.
 Пусть это враг любой учтёт.
 Мы все народы уважаем,
 И первыми не нападаем.
 Но тот, кто братьев обижал
 Тот гнев наш праведный узнал.
 В истории не раз бывало –
 Русь – Матушка славян спасала.
 Сейчас иные времена.
 Славянские собрались племена

На праздник в Русский город Тверь,
 Известный на весь Мир теперь.
 И пусть гремит повсюду слава
 За пределами Руси!
 «Добри дэнь!» «Здравэйтэ!» «Здрраво»
 И всем славянам: «Гой Еси!»

Лариса Иванова,

г. Торопец

СТАНЦИЯ ЖИЖИЦА...

– Станция Жижица. Жижица?!..
 Сердце волнуется вновь:
 Милая станция Жижица –
 Детство моё и любовь...

Жижица, Жижица, Жижица...
 Слышится в стуке колёс!
 Снится ли мне или видится
 Речки Наумовки плёс,

Снится ли мне или помнится
 Милый родительский дом?..
 Только душа моя полнится
 Воспоминаньем о нём,

Как же мне хочется встретиться
 С детством далёким моим,
 С милой подружкой - сверстницей,
 С мальчиком, что был любим!..

Катятся, катятся, катятся
 Годы, как скорый «экспресс».
 Где ты, в горошину платье,
 Где ты, сосновый мой лес?..

Двигается, движется, движется
 Поезд, а рельсы звенят:
 Жижица, Жижица, Жижица...
 Мне не вернуться назад!

Пётр Бобунов

г. Нелидово

Когда что случится с мотором,
 Могу без конца любоваться
 На то, как рабочие хором
 Вокруг него дружно садятся.
 И долго сидит в размышленьи
 Одухотворённом народ,
 Вся истина в том недвиженьи,
 Её я постигну вот-вот!
 Но, вдруг, возникает работа,
 Скрипят возмущённо болты,
 И грустно становится что-то
 От пошлой людской суеты.

Владимир Юринов

На картах не значитсЯ

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

**И, НАКОНЕЦ, ЕЩЁ ОДНА, ПОЖАЛУЙ, ДАЖЕ НЕ ИСТОРИЯ,
А ТАК – НЕБОЛЬШАЯ ЗАРИСОВКА**

Вот скажите, дорогой читатель, как вы определяете момент прихода зимы? Только не надо мне ничего говорить про календарь. Календарь – вещь искусственная и к реальным временам года никакого отношения не имеющая. Говоря о начале зимы, можно рассуждать о снеге, о приходе холодов, о ледоставе на реках, можно даже приплести сюда залегающих в берлоги медведей. Можно, в конце концов, вспомнить старый добрый анекдот про заготавливающего дрова чукчу. Но всё это, и вдумчивый читатель со мной полностью согласится, всё это – критерии совершенно ненадёжные.

В этом отношении жители посёлка Серышево образца 80-х годов имели неоспоримое преимущество. Они могли определить момент прихода зимы с точностью до часа.

Чётким критерием этого события было появление на серышевском вокзале цыганского табора. Да-да, самого обыкновенного табора: со степенными «будулаями», шумными и пёстрыми цыганками, с многочисленными голопузыми и сопливыми детьми, роящимися вокруг взрослых. Для полноты впечатлений не хватало разве что пасущихся рядом лошадей и дрессированного медведя.

В один «прекрасный» день табор появлялся на вокзале и, оккупировав зал ожидания, мгновенно там обживался. Уже спустя час создавалось полное впечатление того, что табор жил на вокзале всегда: на полу были расстелены ватные одеяла; на протянутых через весь зал верёвках сохло бельё; степенные «будулаи», собравшись в кружок, о чём-то степенно беседовали; цыганки, переговариваясь через весь зал, варили на электроплитках еду или, никого не стесняясь, кормили грудью младенцев; дети, как и положено детям, носились по всему залу, играя в свои, понятные только им самим, детские игры. Табор занимал примерно две трети зала ожидания, вежливо оставляя для пассажиров несколько свободных скамеек и подходы к железнодорожной и автобусной кассам.

Понятно, не всем пассажирам нравилось такое соседство. Хотя, справедливости ради следует сказать, что кроме вполне определённых неудобств, пребывание табора в зале ожидания имело и свои неоспоримые плюсы: пёстрое цыганское действо, безусловно, скрашивало часы томительного ожидания; опять же, если при вас были дети, вы о них могли забыть на любой нужный вам промежуток времени – дети быстро находили общий язык с цыганятами, вовлекались в их шумные игры и были веселы, самодостаточны и даже, если вы, конечно, этого сильно не опасались, накормлены. Кроме того, можно было совершенно безбоязненно, отлучаясь по делам, доверить цыганам свои вещи – табор свято исповедовал главный воровской закон: «Не кради, где живёшь!».

Не особо возражала против нахождения в зале ожидания цыганского табора и вокзальная администрация. Она имела от этого соседства свои вполне определённые выгоды: во-первых, цыгане напрочь отваживали от вокзала местных бомжей (по-дальневосточному – «бичей»), по всей стране с первыми холодами сползающими к тёплым вокзалам и приносящими с собой пьянство, наркотики, драки, грязь и вонь; во-вторых, цыгане, а точнее, цыганки выполняли на вокзале роль уборщиц, причём выполняли её очень добросовестно; и в-третьих, цыгане брали на себя заботу о вечной головной боли администрации – о пристанционном туалете, приводя его со своим появлением в надлежащее состояние и поддерживая это состояние на протяжении всего срока своего проживания на вокзале.

(продолжение на стр. 13)

(начало на стр. 12).

Тем не менее с табором пытались бороться. Были ли тому причиной жалобы особо нервных пассажиров или срабатывали время от времени какие-то таинственные репрессивно-административные рычаги – неизвестно. Но милиция с завидной периодичностью проводила рейды, пытаясь «выкурить» цыган с вокзала. Цыгане же в этих случаях поступали просто, но эффективно: они покупали несколько самых дешёвых билетов на поезд и превращались из цыганского табора в группу отъезжающих и группу провожающих, то есть – в граждан, находящихся в зале ожидания на вполне законных основаниях. А в тех нечастых случаях, когда милиция совсем уж допекала цыган, они дружно сворачивались, грузились на какой-нибудь проходящий состав и уезжали, чтобы несколько дней спустя вновь, как ни в чём не бывало, появиться в Серышево.

Табор жил на серышевском вокзале всю зиму, то есть до конца марта, а иногда и до середины апреля. И пропадал, как и появлялся, неожиданно, вдруг. На улице ещё лежал метровой глубины снег, ещё трещали по ночам двадцатиградусные морозы, а табор внезапно снимался с места и в одночасье куда-то исчезал, оставляя после себя непривычно пустой и как будто даже увеличившийся в размерах зал ожидания.

И серышевцы знали – это значит, пришла весна.

Как уже наверняка заметил пытливый читатель, автор в своём повествовании попытался незаметно и ненавязчиво перейти от дальневосточных транспортных проблем к вопросам дальневосточно-сезонным, к вопросам, так сказать, погодно-метеорологическим, то есть поговорить...

О КЛИМАТЕ

Следует сказать, климат в Орловке был! Был климат. Настоящий климат, а не какое-нибудь нынешнее невразумительное среднерусское «нечто», и уж тем более не опостылевшие за последнее время всем европейцам североатлантические «сопли», когда всё лето можно проходить в куртке, а всю зиму – под зонтом. Зима в Орловке была как зима, а лето как лето. Такой климат в метеорологии называют континентальным. Будем так называть его и мы.

Были у орловского климата и свои особенности, отличавшие его от климата других, даже очень близко расположенных к нему районов Амурской губернии. Одной из таких особенностей было очень сухое лето.

Если поставить на карте точку на то место, где находилась Орловка, то можно увидеть, что она располагается почти точно на биссектрисе, делящей угол, образуемый двумя реками: Зеей – на северо-западе и её левым притоком – Томью – на востоке. Именно эти реки, а точнее, мощные восходящие воздушные потоки над ними, над их широкими водными зеркалами, прогреваемыми жарким летним солнцем, как раз и были той естественной преградой, тем щитом, в который упирались орды облаков, несущих в Орловку дожди. Выезжая летом на полёты, мы часто наблюдали с аэродрома – вдаль, на северо-западе – настоящую стену из мощно-кучевой облачности, грозно, но неподвижно стоящую за Зеей. В Орловке сияло солнце, в небе над аэродромом не было ни единого облачка, а за Зеей шёл проливной дождь, и в нашей пятой пилотажной зоне, что располагалась именно там, за рекой, можно было выполнять полёты только по упражнениям облачной программы.

Зимой же осадков в Орловке выпадало мало как раз по причине уже упомянутого континентального климата. После жиденьких ноябрьских снегопадов в Амурскую область приходил знаменитый «сибирский максимум» – тридцатиградусные морозы при ясном, безоблачном небе, – который стоял, «не вынимая», практически до самого апреля. Разнообразия в небесной канцелярии в этот период не поощрялись: температурные колебания допускались от минус двадцати до минус сорока градусов; из облачности – два-три балла лёгких перистых, максимум – высоко-слоистых облаков.

Поэтому неудивительно, что самой яркой (впрочем, какой, к лешему, яркой?! – серой!), самой запоминающейся чертой орловских дорог всегда была пыль. И если летней дорожной пылью вряд ли кого можно удивить на бездорожных российских просторах, то зимнюю пыль, серым шлейфом тянущуюся за едущей машиной, мне приходилось видеть только и исключительно в Орловке.

(продолжение на стр. 14)

(начало на стр. 12-13)

Было в Орловке и своё особенное, эксклюзивное атмосферное явление – «снежные иглы».

Вот представьте себе картину: ясное зимнее утро. Говоря словами классика: «мороз и солнце...» Тишина. Безветрие. Чистое, ослепительно-синее небо. И вот с этого синего, совершенно безоблачного неба начинают медленно падать, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги в свете яркого, но холодного зимнего солнца, маленькие снежные иголки. Они падают медленно, кружась в замысловатом танце, опускаются на землю, на предметы, на людей, и кажется, что ухо улавливает разлитый в неподвижном воздухе, тонкий – на пределе слышимости – нежный хрустальный звон.

Вообще-то, «ледяные иглы» – явление в метеорологии хоть и не слишком частое, но вполне известное. Они достаточно хорошо изучены и подробно и всесторонне описаны, и, не подпадая ни под одну из метеорологических классификаций, гордо – в единственном числе – представляют собой разряд «неклассифицированных осадков». Существует даже специальный символ, значок, которым обозначают в метеорологических бюллетенях это атмосферное явление. Но орловские «снежные иглы» были совершенно особенными. Они очень сильно, можно даже сказать – радикально, отличались от всего того, что написано на эту тему в умных «метеошных» книжках.

Во-первых, это размеры. Действительно, достаточно заглянуть в любой справочник по метеорологии, чтобы прочитать, что «ледяные иглы» имеют совершенно микроскопический масштаб, то есть их длина колеблется от сотых долей миллиметра до одного миллиметра максимум. Недаром их ещё называют ледяной или алмазной пылью. Орловские «снежные иглы» были в этом отношении просто гигантами – они имели размеры от пяти-шести миллиметров до одного и даже до полутора сантиметров в длину.

Во-вторых, они действительно были снежными, а не ледяными. Я бы даже сказал – нежно-снежными. Они не кололи щёки, как «ледяные иглы». Они были хрупки. Их невозможно было взять пальцами. Они рассыпались в снежную пыль от обыкновенного прикосновения, от падения на твёрдый предмет, хотя, по большому счёту, совершенно невозможно было назвать падением это парение, это невесомое кружение, этот волшебный воздушный танец. «Снежная игла» оставалась целой, только когда она опускалась на что-то очень мягкое – например, на снег или на меховой воротник. И вот тогда её можно было рассмотреть более детально. Вблизи она напоминала маленькое изящное белое веретено. К своей середине «веретено» постепенно утолщалось, достигая на «экваторе» у самых крупных экземпляров диаметра порядка одного миллиметра. В этом случае на его поверхности даже виднелись какие-то мельчайшие поры, в нём угадывалась какая-то тонкая внутренняя структура, но невооружённым взглядом, конечно, ничего уже нельзя было более подробно разглядеть. Так что орловские «снежные иглы», безусловно, представляют собой нераскрытую тайну, метеорологическую загадку, и явление это ещё ждёт своего вдумчивого, кропотливого исследователя.

А летом в орловском небе господствовала дымка. Конечно, были дни, когда, как зимой, воздух был совершенно прозрачен, и горизонтальная видимость ограничивалась, как говорится, только кривизной земного шара. Но такие дни были исключительной редкостью. Гораздо чаще белёсое «ничто» заволакивало всё вокруг, и лётчикам в полёте было очень неудобно: вроде и небо чистое над головой, и земля внизу просматривается, а взгляду зацепиться совершенно не за что – горизонта нет. В моей лётной книжке – а это, между прочим, официальный документ! – есть запись от второго сентября 88-го года, наглядно иллюстрирующая степень орловской «дымчатости». В тот день я получал допуск и вылетал самостоятельно при так называемом «первом минимуме погоды». В графе «метеоусловия на посадке» фиолетовыми чернилами на уже пожелтевшей от времени бумаге начертано: 0 — 1,5. То есть: количество баллов облачности – ноль; видимость на посадке – полтора километра, – погода, что там говорить, очень редкая, я бы даже сказал, уникальная.

А видимость на посадке в полтора километра означает, между прочим, то, что лётчик мог увидеть посадочную полосу (а точнее, – посадочные прожектора, выставленные «по-дневному», то есть направленные в лоб садящемуся самолёту) примерно за 15 секунд до касания колёсами бетона.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 12-14).

Континентальный климат подразумевает также и достаточно большой суточный ход температуры. В Орловке он не был таким уж запредельным, как, к примеру, в пустыне Гоби, но двадцати градусов порой достигал. Это касалось как зимы, так и лета. Но если зимой разница между минус пятнадцатью и минус тридцатью пятью не так ощутима, поскольку ты и так весь с ног до головы в мехах, то летом разница между плюс тридцатью днём и плюс десятью ночью чувствуется гораздо сильнее. Поэтому, выезжая летом на полёты во вторую смену, мы, невзирая на полдневную жару, тащили с собой свои кожаные куртки, по опыту зная, что ночью они – ой, как пригодятся!

Как уже, наверное, заметил вдумчивый читатель, автор, описывая орловский климат, постоянно упоминает лишь два времени года – зиму и лето. «А где же весна? – резонно спросит он, этот самый вдумчивый читатель. – А как же осень? Их что же, вообще не было?».

Да были, были, не волнуйтесь. И весна была, и осень. Правда, справедливости ради надо сказать, что были эти времена года весьма скоротечными и, я бы сказал, несколько невразумительными, что ли. Ни затяжных дождей, ни промозглых ветров, ни паводков, ни бесконечных переходов температуры с плюса на минус и обратно, короче, ничего из того богатого «меню» погодных катаклизмов, которыми так щедро «потчует» европейского жителя осень и весна, в Орловке не было и в помине. А скоротечность этих времён года была таковой, что некоторые невнимательные жители Орловки, особенно из числа военнослужащих – вечно занятых своими служебными делами, и в особенности из числа тех военнослужащих, которым в этот день выпало стоять в наряде, так вот, некоторые невнимательные граждане могли эти времена года и вовсе не заметить. То есть заступил в наряд зимой, а сменился с наряда уже летом. Или, наоборот: заступил на дежурство летом – в ботинках и в фуражечке, а сменщик приехал тебя менять уже в зимней шапке и в унтах. Но это, конечно, всё, как говорится, шутки юмора. На самом же деле, и весна, и осень укладывались в Орловке в несколько недель, максимум в месяц.

Осень обычно начиналась где-то в середине сентября. Начиналась она небольшим похолоданием и, главное, дождём. После летней спекоты дождь воспринимался как манна небесная. Все, не задействованные на службе, сразу хватили корзины и мчались в лес – собирать грибы, ибо по опыту знали, что сезон дождей, а значит и грибной сезон, короток, и надо успеть за это время запастись лесными дарами. Дожди через неделю-другую сменялись снегопадами, грязь на дорогах резко замерзала, и к середине октября в Орловке устанавливались уже вполне зимние погоды.

Что же касается весны, то она в Орловке начиналась стремительно – во второй половине апреля. Мгновенно исчезал снег, начинало пригревать солнышко. В затишных местах, на припёках, тут же пробивалась изумрудная щетинка молодой травы. Народ после затяжной зимы скидывал с себя опостылевшие меха и расслаблялся. На традиционном субботнике 22 апреля многие, орудуя шанцевым инструментом, даже раздевались по пояс, пугая неокрепшее весеннее солнышко своими бледными авитаминозными телами. Новые гарнизонные жители, встречающие в Орловке первую весну, вспоминая свои «европейские» навыки, радостно щебетали, разбивая возле подъездов клумбы и высаживая на них разнообразные, привезённые с собой цветы. Старожилы, глядя на это дело, хитро улыбались, но новичков не отговаривали – они сами когда-то были такими же доверчивыми и наивными. Субботник заканчивался, и все удовлетворённо расходились по домам. Дело было сделано: «подснежники» убраны, свежевскопаные клумбы чернели, высаженные цветочки кланялись заходящему солнцу. Весенняя идиллия длилась ещё несколько дней, а потом... Потом опять возвращались холода, ударяли морозы, цветочки благополучно загибались, и их почерневшие трупчики гуманно прикрывал свежевывающий снег. На первое мая желающие ещё могли покататься в лесу на лыжах. На День Победы гарнизон на праздничном построении зяб в шинелях. А потом начиналась настоящая весна, солнце, засучив рукава, принималось за работу всерьёз, и в конце мая мы, спасаясь от жары, уже дружно купались в ближайшем к гарнизону водоёме – небольшой запруде с поэтическим названием «Рыгаловка».

(продолжение следует)

Александр Павлов**ГРАФ И ХОХЛУШКА**

РАССКАЗ

Его называли Графом. Он и в самом деле был похож на благородного: вышел статью, ростом, да и умом не обделен. Любого понимал с полуслова. Правда, среда его обитания не совсем была похожа на графское поместье. Но у него был свой дом, конечно, уже давно нуждающийся в ремонте, нет, не в косметическом, а в капитальном. Стены были покосившиеся, пол наполовину прогнил, да и крыша требовала замены. Единственное, что его в какой-то степени еще успокаивало, так это настил возле дома. Настил был добротный, выложенный досками совсем недавно. Да и как можно жить без настила в такой грязи, особенно, когда шли дожди. А дожди иногда были проливными. Шли и день, и ночь стеною. В такие моменты он уходил в свой, пусть и не совсем уютный, дом и просто смотрел на дождь, а сквозь него и на весь мир, который представлялся ему в какую-то косую линейчку.

Вообще-то на жизнь он не жаловался. Жизнь как жизнь. Бывает и хуже. А потом, если бы кто-то помог... Дом был, еда была, время от времени ласкали. Конечно, в звании Графа можно было надеяться и на что-то лучшее, но он понимал, что достаточно и этого.

И все было ничего, если бы не одно обстоятельство: он был одинок. У него не было друзей, не было подруг, даже круг его знакомства с внешним миром был ограничен несколькими метрами вокруг дома. Поэтому, когда его сородичи играли какие-то свои свадьбы, он в такое время не находил себе места. Нервничал, хотел куда-либо убежать. По-своему плакал, грустил. Эти дни для него были сущим наказанием. Лучше бы их и не было. Но независимо от него они все-таки время от времени повторялись, эти проклятые дни. Со временем он к этому даже привык, если вообще к этому можно привыкнуть.

Но однажды и в его такой будничной, ничем не примечательной жизни наступила перемена, которая застала его если не врасплох, то, во всяком случае, неожиданно. Откуда ни возьмись, появилась она – красивая, с подобием модной прически на голове, ладная и, наверное, добрая. Нет, она появилась не совсем случайно, просто долго присматривалась к нему, изучая его характер. Все ее подружки почему-то обходили его стороной. И ее первые шаги были достаточно несмелыми, а вдруг что? Но с каждым днем она все ближе и ближе пыталась подойти к нему. Надо заметить, что и он хотел познакомиться поближе. Особого внимания не уделял, но и отогнать ее не старался. Просто терпел ее присутствие. Далее все перешло в привычку. Когда шел дождь, она приходила в его неказистый домик и там пряталась от непогоды. От такого соседства и ему было веселей, все-таки не один. Так они и сосуществовали: пес по кличке Граф и курица Хохлушка.

О рассказе Столярова

Перечитала в Интернете рассказ Столярова «Окно» («Светлячок» №4, февраль 2012 года) и не знаю, почему понравился, в рассказе какая-то сказочная грустинка, тайна, ожидание чудесного и волшебного, а грустинка потому, что не свершилось, и сильное желание, чтобы встреча была. Что-то на душе у автора тревожно.

Александра Хребтова
г. Андреаполь

Выходит 1 раз в месяц.

Бесплатно, в том числе в электронном варианте.

Подписано в печать 11.07.2013 года

СВЕТЛЯЧОК

Печатный орган литературного клуба «Светлячок» при Андреапольской ЦБС (директор Белякова Н.В.)
Ответственный за выпуск: Петрова М.А. (председатель литературного клуба «Светлячок»)
Технический редактор: Афанасьева Е.Н.

Тираж – 150 экз.

Адрес редакции: 172800

г. Андреаполь, пл. Ленина, д.1.

Электронный адрес: andkniga@andrapol.tver.ru
web-сайт: andrapol.tverlib.ru